
Чужой зонт
Иногда
всё начинается
с простой вещи,
оставленной
у чужой двери...
Ты
не одна

Екатерина Микеладзе

Чужой зонт

«Автор»
2026

Микеладзе Е.

Чужой зонт / Е. Микеладзе — «Автор», 2026

Оля привыкла жить тихо: работа, маленькая квартира, кот и минимум общения с соседями. В старом московском доме она знает людей по лицам, шагам на лестнице и звукам за стеной. Так спокойнее.Однажды в подъезде появляется чужой зонт. Оля забирает его к себе, на его месте оставляет короткую записку, а потом получает ответ, смысл которого ей не понятен.Попытка разобраться приводит Олю к Саше с шестого этажа, а дальше к молодой маме Жене и другим жильцам. Случайные разговоры, чашка чая, просьбы о помощи и маленькие знаки внимания постепенно превращают чужих людей в близких.Но вместе с новыми знакомствами возвращается прошлое - старые фотографии, забытые истории и люди, которых Оля когда-то предпочла забыть.«Чужой зонт» - тёплый роман о дружбе, одиночестве, памяти и близости, которая возникает тогда, когда люди наконец перестают проходить мимо друг друга.Иногда всё начинается с вещи, оставленной у чужой двери.

© Микеладзе Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Он здесь 5
Глава 2. С. К. 9
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Екатерина Микеладзе
Чужой зонт

Глава 1. Он здесь

В подъезде опять пахло мокрой штукатуркой. Этот запах появлялся каждую осень вместе с первыми долгими дождями, держался до морозов и уходил так же незаметно, как приходил. Оля давно перестала гадать, откуда он берётся. Ей нравилось думать, что дом просто намокает изнутри, как старое пальто, и потом долго сохнет.

Дверь она открывала локтем, потому что руки были заняты: в одной пакет из «Пятёрочки», в другой телефон, который всё время норовил выскользнуть. Пружина на двери была тугая. Дверь сначала сопротивлялась, потом резко поддавалась, и, если не успеть проскочить, била по пятке. Оля успела. Пакет, как обычно, нет: он зацепился за ручку и звякнул. В пакете лежали молоко, десяток яиц, корм для Кота и две пачки печенья с изюмом.

Изюм Оля не любила с детского сада. Но печенье продавали две пачки по цене полутора, а с арифметикой она восемь часов в день не спорила на работе и по инерции не спорила вечером.

На двери лифта висел листок:

ЛИФТ НЕ РАБОТАЕТ.

Ниже кто-то дописал синей ручкой:

ЗАТО ЛЕСТНИЦА РАБОТАЕТ.

Ещё ниже, карандашом и совсем мелко:

ПОКА.

Оля перехватила пакет поудобнее и пошла наверх.

Лестницу она знала лучше, чем людей, которые по ней ходили. Знала, что третья ступенька от первого этажа шатается, что на площадке второго этажа всегда пахнет жареным луком, будто там одну и ту же луковицу жарят с восемьдесят какого-то года. На третьем пахло чужими духами, сладкими, тяжёлыми, а выше становилось прохладнее: окно между пятым и шестым не закрывалось до конца, и зимой оттуда тянуло так, что на подоконнике иногда лежал снег. Людей она узнавала по шагам и по дверям. Одна хлопала, другая скрипела, третья закрывалась с двумя оборотами ключа и ещё одним, контрольным, когда человек уже думал, что ушёл. Здороваться при этом было не обязательно. Это в доме Олю устраивало больше всего.

На втором этаже, у своей двери, стояла Зоя Аркадьевна со шваброй. Швабру она держала как копьё.

- Добрый вечер, - сказала Оля.

- Добрый. Вы с четвёртого?

- С четвёртого.

- Там у вас зонт стоит. На площадке.

- Не мой.

- А я и не говорю, что ваш. Я говорю, что стоит. - Зоя Аркадьевна прислонила швабру к стене. - Третий день. То стоит, то нет, то опять стоит. Я написала.

- Что написали?

- Что выбросим. В понедельник уборщица придёт, я ей скажу. Лестница - путь эвакуации, между прочим. Тут ничего стоять не должно.

- Это зонт, - сказала Оля. - Не шкаф.

- Сегодня зонт, - Зоя Аркадьевна посмотрела на потолок так, будто видела сквозь пять этажей, - А на седьмом третью неделю шкаф двигают. У меня люстра качается. Вы слышите?

Оля прислушалась. Сверху было тихо.

- Сейчас нет.

- Сейчас нет, - согласилась Зоя Аркадьевна тоном человека, которого опять обманули, и закрыла дверь.

Оля постояла ещё секунду, будто разговор мог продолжиться через дверь, и пошла дальше.

Зонт стоял у тумбы между третьим и четвёртым этажами. Тумбу кто-то давным-давно вынес из квартиры и поставил у окна, временно. Временно она простояла столько, что на ней успели сменить два слоя подъездной краски. Теперь на ней лежали рекламные листовки, чья-то перчатка, которую никто не забирал с прошлой зимы, и пустой цветочный горшок.

Зонт Оля видела не в первый раз. Недели две назад он висел на перилах у почтовых ящиков. Потом пропал. Потом появился на подоконнике пятого этажа, сухой и аккуратно сложенный, а на ручку была намотана бумажка со словом «Спасибо». Ещё через несколько дней Оля увидела его на этой тумбе, а под ним записку другим почерком: «Пусть стоит». Записку потом кто-то унёс, зонт остался. Он жил в подъезде, как кошка, которая ничья, но которую все немного кормят.

Сегодня зонт был мокрый. С края купола на пол натекла маленькая лужица. Значит, кто-то ходил с ним под дождём и вернул. А над ним, на стене, на скотче, висело новое объявление. Фломастер, печатные буквы, нажим такой, что бумага в двух местах прорвалась:

УБЕРИТЕ ВЕЩИ С ЛЕСТНИЦЫ!!! В ПН ВЫБРОСИМ. 2 ЭТ.

Три восклицательных знака. Оля подумала, что Зоя Аркадьевна, наверное, добавляла их по одному, в течение дня, по мере роста возмущения.

Она взяла зонт в руки.

Он оказался тяжелее, чем она думала. Сейчас такие не делают: спицы толстые, ткань плотная, не синтетически-блестящая, а матовая, тёмная. Не чёрная, скорее серо-синяя, как небо в ноябре в половине пятого. Ручка деревянная, гладкая, вытертая до светлого там, где её много лет держали пальцами. Возле самого купола Оля нащупала царапину, а может быть, две, рядом. Под лампочкой, которая на этой площадке не горела, а мигала, будто раздумывая, стоит ли, разобрать их она не смогла. То ли буквы, то ли кто-то когда-то задел ключом.

Оля поставила зонт обратно и поднялась к себе.

Кот ждал в коридоре. Сидел ровно посередине коврика, обернув хвост вокруг лап, с таким видом, будто последние девять часов не делал ничего другого.

Кота ей оставил Денис. Вместе с зарядкой от ноутбука, которая ни к чему у Оли не подходила, и привычкой говорить «посмотрим», когда имеешь в виду «нет». От привычки Оля избавлялась до сих пор. Зарядку выбросила через месяц. Кота оставила себе в первый же вечер, когда Денис позвонил и спросил, не может ли она «пока подержать его у себя, а там посмотрим».

Имени у Кота не было. Денис звал его то Бароном, то Пушистым, то «эй, ты», и кот ни на одно не откликался. Оля пару недель перебирала варианты, а потом поняла, что уже давно зовёт его Котом и что он на это приходит. Вопрос решился сам.

- Привет, - сказала Оля.

Кот посмотрел на пакет. Не на неё, на пакет.

- Да. Там твой корм. Можно я сначала разуюсь?

Кот подумал и решил, что можно, но недолго.

На кухне Оля разобрала покупки. Молоко в холодильник, яйца туда же. Печенье положила на верхнюю полку, подальше, с мыслью, что, может, само как-нибудь съестся. Корм насыпала в миску. Кот подошёл, понюхал и сел рядом. Есть не стал.

- Что?

Кот посмотрел в сторону прихожей.

- Там никого нет.

Кот продолжал смотреть.

- Ты кого-то ждёшь?

Кот медленно моргнул и снова повернулся к прихожей.

Оля поставила чайник.

В окне напротив светились чужие кухни. Там жили люди, которых Оля знала примерно так же, как жильцов своего подъезда: по абажурам, по силуэтам, по времени, когда загорается свет. На третьем этаже напротив курили у форточки. На пятом женщина в зелёном халате каждый вечер ровно в половине восьмого включала телевизор, и Оля пару раз ловила себя на том, что сверяет по ней часы. Внизу проехал автобус, по потолку кухни скользнула полоса света и исчезла.

Чай заварился. Оля села за стол, перевернула телефон, который лежал экраном вниз. Два рабочих письма, которые можно было открыть в понедельник. Реклама доставки. Больше ничего. Это было нормально. За последние два года нормальным стало много такого, что раньше казалось бы странным: пятница без планов, суббота без звонков, разговоры с котом на равных.

Дождь за окном усилился. По тротуару внизу люди шли, наклонив головы, под зонтами самых разных цветов: чёрными, прозрачными, одним клетчатым и одним ярко-жёлтым, детским, с ушами. Под ним, судя по размеру, шёл кто-то совсем маленький. Какой-то мужчина бежал к остановке, закрываясь папкой.

Своего зонта у Оли не было уже несколько лет. Когда-то был красный. Мама купила его ей в пятнадцать лет, в октябре, и Оля тогда хотела жёлтый, а жёлтый оказался дороже, и мама сказала, что красный легче заметить в толпе. Оля ответила, что не собирается быть дорожным знаком. Мама засмеялась.

Дальше Оля думать не стала. У неё было правило не думать в пятницу вечером о том, о чём можно не думать до понедельника. Правило работало плохо, но она его соблюдала, как соблюдают диету: в основном на словах.

Она допила чай и посмотрела на часы. Без двадцати девять.

Уборщица придёт в понедельник. Зоя Аркадьевна, судя по швабре, слов на ветер не бросала. Значит, у хозяина зонта, кем бы он ни был, оставалось два дня, и за эти два дня он мог не появиться, а мог появиться и не увидеть объявления. Или увидеть, но не поверить, что зонт правда выбросят. Оля, например, не поверила бы.

- Это не наше дело, - сказала она Коту.

Кот к этому времени уже поел и сидел на подоконнике, наблюдая за дождём. Он даже не обернулся.

- Вот именно, —-сказала Оля и пошла обуваться.

Зонт стоял там же. Лужица под ним стала чуть больше. Лампочка мигала. Объявление висело.

Оля постояла у тумбы, держа руки в карманах. Можно было просто забрать зонт к себе. Он явно был ничей, или, наоборот, общий, а значит, тоже немножко её. Но тогда это был бы уже не чужой зонт в подъезде, а чужой зонт у неё дома, и разница была существенная. Чужой зонт в подъезде никого ни к чему не обязывал. Чужой зонт дома превращал её в человека, который взял чужое.

Можно было оставить записку. Объяснить, где зонт.

Оля вернулась в квартиру за блокнотом и ручкой. Кот проводил её взглядом с подоконника и, кажется, вздохнул.

На кухне она села, открыла блокнот на чистой странице и написала:

Вы забыли зонт.

Посмотрела. Звучало как обвинение. И неправда: судя по всему, его не забыли, его оставили, а это совсем другое.

Перевернула страницу.

Зонт у меня. Кв. 61.

Получилось как записка похитителя. Не хватало только «никому не говорите» и вырезанных из газеты букв. Оля фыркнула и зачеркнула.

Если это ваш зонт, заберите его, пожалуйста, в кв. 61.

Это было вежливо и понятно. И при этом в точности похоже на объявление управляющей компании о плановом отключении горячей воды. Оля вдруг ясно представила, как кто-то читает это, ёжится и решает, что зонт ему, в общем, не так уж и нужен.

Она вырвала лист, скомкала, положила рядом с чашкой.

Кот спрыгнул с подоконника, подошёл к столу и потрогал комок лапой.

- Это не тебе. Это черновик.

Кот покатил черновик по полу в прихожую, догнал, потерял к нему интерес и сел у двери.

Оля посмотрела на чистую страницу. Хотелось написать что-то простое, без извинений и без инструкций. Не «вы забыли», не «заберите». Просто чтобы человек, который придёт к тумбе и увидит пустое место, не испугался.

Она написала:

Он здесь.

Посмотрела. Это было странно, но правильно. Так говорят, когда кто-то волнуется, а ты подходишь и показываешь: вот, никуда не делся. Ниже она приписала, чтобы было понятно, где именно «здесь»:

Оля, 61.

Она вырвала листок, взяла со стола скотч и вышла на площадку.

Записку Оля приклеила на тумбу, на то место, где стоял зонт, рядом с подсыхающей лужицей. Подумала и прилепила край скотча покрепче: сквозняк с пятого этажа уносил всё, что плохо лежит. Потом посмотрела на объявление Зои Аркадьевны. Достала ручку и написала под тремя восклицательными знаками мелко, но разборчиво:

Убрала. 61.

Зонт она взяла с собой. Он был холодный и пах дождём и чем-то ещё, старым, деревянным, как шкаф в чужой квартире.

Дома Оля поставила его в прихожей, у стены, рядом со своими ботинками. С купола сразу потекло. Она сходила на кухню за газетой, которую держала для таких случаев, хотя таких случаев у неё до сих пор не было, расстелила её на полу и поставила зонт на газету. Потом раскрыла его наполовину, чтобы сох, как полагается. Кто-то её когда-то так научил: сначала расправить, потом закрыть. Кто именно, она вспоминать не стала.

Кот подошёл, понюхал мокрую ткань, чихнул и отошёл на безопасное расстояние.

- Это ненадолго, - сказала ему Оля. - Хозяин заберёт.

Кот сел и стал смотреть на зонт так, словно тот мог в любой момент уйти сам.

Оля погасила в прихожей свет. Она уже стояла в дверях кухни, когда на лестнице послышались шаги: кто-то поднимался, медленно, с остановками, как поднимаются люди с тяжёлыми сумками. Шаги дошли до площадки между третьим и четвёртым этажами и замерли.

Оля тоже замерла.

Потом шаги пошли дальше, мимо её двери, выше. Хлопнула дверь на пятом или шестом, звук на лестнице всегда немного врал.

А ещё выше, на седьмом, опять двинули шкаф.

Глава 2. С. К.

Саша проснулась от дождя.

Её не разбудил ни будильник, который она по субботам ставила на без десяти семь, ни телефон: он лежал на полу у кровати и всю ночь тихо светился уведомлениями. Разбудил дождь. Он стучал по жестяному отливу мелко и настойчиво, как стучит человек, уверенный, что ему всё равно откроют. Саша полежала, глядя в потолок. В комнате было серо, и в Москве в ноябре этого серого хватало без того, чтобы добавлять его в интерьер. Потолок она когда-то хотела перекрасить. Это «когда-то» было три года назад.

Телефон завибрировал.

«Только сегодня: доставка от 799 рублей бесплатно!»

- Спасибо, - сказала Саша. - Очень вовремя.

На подоконнике лежал Василий: серый, толстый, с белой манишкой на груди, свёрнутый так плотно, будто его выдали в таком виде на складе и с тех пор не разворачивали. Он открыл один глаз.

- У тебя есть восемьсот рублей?

Василий закрыл глаз.

- Я так и думала.

Она встала. Квартира была маленькая, но не настолько, чтобы в ней нельзя было потерять носок. Носок нашёлся под кроватью вместе с резинкой для волос, которую Саша считала пропавшей с сентября, и рекламной листовкой пиццерии. Как листовка туда попала, было неясно. Василий наблюдал за поисками с подоконника с выражением человека, который давно понял, что всё это его не касается.

Пока закипал чайник, Саша открыла сообщения. Отец написал вчера в одиннадцать вечера:

Когда будешь

Без знака вопроса. Отец вообще редко ставил знаки препинания: писал так, будто каждое слово обходилось ему в отдельную плату. Иногда приходило «Позвони». Иногда «Купи если будешь в аптеке». Один раз, в её день рождения, пришло «Поздравляю Саша здоровья», и она потом полдня думала, кому он желал здоровья, ей или себе.

Список лекарств он прислал ещё в начале месяца и с тех пор не менял. Лекарства лежали в шкафу в прихожей, в аптечном пакете, вместе с чеком. Купила она их в среду и всё ещё не отвезла.

Саша набрала: «В воскресенье». Стёрла. В воскресенье она хотела спать до одиннадцати, потом лежать, потом, может быть, помыть окно. Тоже стёрла бы, но в чат это не попало, и отцу знать было необязательно. Набрала: «На следующей неделе». Подумала и добавила: «Лекарства купила». Отправила.

Ответ пришёл через минуту. Он, значит, тоже не спал.

Хорошо

Чайник щёлкнул. Саша налила кипяток в кружку, бросила туда пакетик и в этот момент услышала домофон.

Домофон в её квартире висел у самой двери. Старый, бежевый, с трубкой на витом шнуре. Звонил он так, что слышно было, наверное, на седьмом: резкий дребезг, похожий на школьный звонок. Саша застыла с кружкой в руке. Пакетик медленно опускался на дно, вода вокруг него темнела.

Она никого не ждала. Курьер? Она ничего не заказывала. Почта? В семь утра в субботу почта не приходит. Отец? Отец без звонка не приезжал никогда, и то, что она сейчас об этом подумала, говорило скорее о ней, чем о нём.

Домофон замолчал. Саша не двигалась. Василий на подоконнике поднял голову и смотрел на неё так внимательно, как не смотрел ни на одну рекламу.

Через десять секунд домофон зазвенел снова. Саша поставила кружку на стол очень осторожно, будто от стука могла выдать, что дома. Потом подошла к двери и посмотрела на трубку. Трубка дребезжала и чуть подпрыгивала на крючке.

Замолчала.

Внизу, в подъезде, глухо хлопнула входная дверь: кто-то кого-то впустил. По лестнице застучали шаги, быстрые, лёгкие, и остановились на третьем, может быть, или на втором. Чужой голос сказал: «Да, да, я тут, извините, перепутал».

Саша выдохнула и вернулась на кухню. Чай заварился до цвета крепкого кофе. Она вылила половину, долила кипятка и выпила стоя, потому что садиться было уже некогда. Василий снова свернулся и сделал вид, что ничего не было.

- Ничего и не было, - сказала ему Саша.

Он не возразил.

Из квартиры она вышла в восемь пятнадцать. На шестом этаже было тихо. Дверь шестьдесят шестой, пустой, стояла запертой, как всегда. Над ней на потолке мигал красный огонёк датчика дыма. Раз в несколько секунд он вспыхивал, как будто дом тихонько проверял сам себя. У двери Людмилы Петровны лежал аккуратный коврик и стояли боты, мокрые: она уже сходила за хлебом. Людмила Петровна вставала раньше всех в подъезде и, кажется, гордилась этим.

Саша пошла вниз.

Лестница пахла дождём. Из окна между пятым и шестым тянуло сыростью, на подоконнике там опять стояла лужица: рама пропускала воду при любом ветре. Четвёртый этаж она прошла, не глядя по сторонам, как всегда, а на площадке между четвёртым и третьим остановилась.

Зонта не было.

Ещё секунду назад Саша не думала о нём вовсе, а теперь её неприятно толкнуло изнутри, как бывает, когда на ходу хлопаешь себя по карману и не находишь ключей. Тумба стояла на месте. Перчатка, горшок, листовки - всё было на месте. Не было только зонта. На его месте белел приклеенный скотчем листок из блокнота в клетку.

Она наклонилась.

Он здесь.

Ниже, тем же ровным почерком с чуть наклонёнными вправо буквами:

Оля, 61.

Саша прочитала два раза. Потом подняла голову и увидела на стене объявление, которого вчера, когда она поздно возвращалась, не заметила или не захотела заметить:

УБЕРИТЕ ВЕЩИ С ЛЕСТНИЦЫ!!! В ПН ВЫБРОСИМ. 2 ЭТ.

И под ним, мелко, той же ручкой, что и записка:

Убрала. 61.

- Ага, - сказала Саша вслух. Голос прозвучал на лестнице глухо.

«2 эт.» - это была Зоя Аркадьевна, тут сомнений не было. Восклицательных знаков в доме больше никто так не ставил. Зоя Аркадьевна была человеком твёрдых правил: в понедельник уборщица, на лестнице не стоять, по субботам с утра не сверлить, по воскресеньям не сверлить вообще. Она бы правда выбросила. Не со зла, а из принципа, как выбрасывают просроченный кефир.

А Оля из шестьдесят первой не дала.

Сашу никто о таком не просил, но она обернулась и посмотрела вверх, на дверь шестьдесят первой. Обычная дверь, обитая коричневым дерматином. На коврике слегка стёрлось «Добро пожаловать», остались «Добро» и «ать». Тишина.

Оля. Саша знала, что там живёт девушка примерно её возраста, с короткой стрижкой и таким лицом, будто она всё время что-то про себя считает. Однажды, в сентябре, эта девушка приняла за Сашу посылку. Саша тогда была на работе, курьер звонил ей с лестницы и раздражённо спрашивал, где она. Саша объясняла, что на работе, курьер говорил, что он тоже, вообще-то, на работе. Потом в трубке послышался другой голос, женский и спокойный:

- Давайте я подпишу. Я с четвёртого.

- А вы ей кто?

- Соседка.

- Мне так-то не положено.

- Вам так-то положено, чтобы посылка была доставлена, а не вернулась на склад. Где расписаться?

Вечером Саша поднялась на четвёртый и позвонила в шестьдесят первую. Оля открыла не сразу, через цепочку, и отдала коробку в щель между дверью и косяком.

- Спасибо.

- Пожалуйста.

И всё. Дверь закрылась, цепочка звякнула. Саша тогда подумала, что это самый короткий и самый разумный разговор, который у неё был за весь день. И что она, кажется, нашла в доме человека, который тоже не любит, когда ему стучат в дверь.

Может быть, поэтому она и сейчас не постучала.

Она стояла у тумбы с запиской в руке и представляла, как стучит. Как за дверью кто-то вздрагивает, ставит кружку, замирает. Как смотрит в глазок и видит человека, которого почти не знает, в восемь утра в субботу. Саше этого хватило: она знала это чувство изнутри и не хотела устраивать его другому.

К тому же зонт был в порядке. Записка так и говорила: *он здесь.*

Саша провела пальцем по краю листка. Странная фраза. Хорошая. Не «я взяла», не «приходите за ним», не «вы забыли». Просто «он здесь», как говорят ребёнку, который проснулся ночью и зовёт.

Она подумала про зонт. Синий, тяжёлый, с деревянной ручкой. Сейчас он стоял где-то за коричневой дверью, наверное, в прихожей, и, наверное, сох. На ручке, у самого купола, были выцарапаны две буквы, их можно было найти пальцем, даже не глядя.

С. К.

Сергей Козлов. Дед.

Дед был человеком, который чинил всё. Даже то, что не надо было чинить. В кармане куртки он носил складной нож, маленькую отвёртку с прозрачной ручкой и моток синей изоленты.

- Зачем тебе изолента? - спросила как-то Саша. Ей было лет восемь.

- На всякий случай.

- А какой бывает всякий случай?

- Всякий. - Дед подумал. - Вот у тебя туфля расклеится. Или у бабушки очки. Или у человека в электричке ручка у сумки оторвётся. Что ему, в руках нести?

- Он может в руках.

- Может. А может и не в руках.

Вещи, которые он чинил, дед подписывал. Выцарапывал отвёрткой две буквы там, где не видно: на подошве, на внутренней стороне крышки, на ножке стула. Бабушка ворчала, что он портит вещи. Дед отвечал, что не портит, а расписывается в получении.

- В каком получении?

- Вещь была мёртвая, я её получил. Теперь живая. Должна знать, кто её вернул.

Саша тогда очень серьёзно решила, что вещи читают. И потом лет до двенадцати украдкой проверяла свои: не появилось ли где-нибудь *«С. К.»*

Она улыбнулась, стоя на лестнице. Хотела убрать улыбку, но не стала: никто не видел.

Дождь за окном пошёл сильнее. Во дворе люди бежали к арке, прикрываясь пакетами, мужчина у соседнего подъезда пытался одной рукой открыть дверь машины, а другой удержать над собой зонт, и у него не получалось ни то, ни другое. Дед говорил, что дождь обязан идти сверху, потому что так удобнее. А косой дождь - это безобразие и непорядок. Он про всё на свете знал, как должно быть удобнее.

Саша достала телефон. Номера Оли у неё не было. Было бы смешно, если бы был.

Она порылась в сумке. Нашёлся чек из «Пятёрочки» и ручку, которая у неё вечно пропадала. Саша развернула чек, приложила к стене и написала на обороте:

Спасибо, что не дали выбросить.

Перечитала. Получилось почти благодарственное письмо, только без печати. Оля могла подумать, что теперь ей полагается что-то ответить. И тогда начнётся переписка о зонте, вежливая и неловкая, а потом, на лестнице, обеим придётся здороваться особенным голосом.

Зачеркнула.

Это мой зонт.

Это было неправдой. Это был дедов зонт. Потом он стал отцовым, потом её, а потом она сама поставила его у почтовых ящиков, и с тех пор он был немножко всех. Говорить «мой» теперь было как-то неловко.

Зачеркнула.

Пусть побудет у вас.

Слишком щедро. Будто она что-то дарила, а дарить было нечего, тем более человеку, который ничего не просил.

Саша перевернула чек, оставалась ещё узкая полоска. Ручка писала уже еле-еле, вторую строчку пришлось обводить.

Я здесь.

Она подержала чек на ладони. Это было нелепо: записка, которая ничего не сообщает. Человек и так знает, что ты здесь, ты живёшь в его подъезде. Но эта фраза, в отличие от остальных, ничего не требовала. Ни ответа, ни зонта, ни встречи. Просто стояла рядом с той, другой, как стоят рядом два человека на остановке.

Ниже Саша дописала:

Саша, 67.

И подложила чек под Олину записку так, чтобы он немного выглядывал. Скотча у неё не было. Саша подумала и прижала оба листка пустым цветочным горшком.

МФЦ на Мещанской открывался по субботам в девять. Саша работала там третий год, в зале с шестнадцатью окнами, электронной очередью и табло, на котором красные цифры сменяли друг друга с бесстрастием вокзального расписания. Её окно было седьмое. Там стоял компьютер с наклейкой «НЕ ВЫКЛЮЧАТЬ», под ним сканер, который иногда не видел паспорт и требовал, чтобы его положили «ровно», хотя ровнее уже было некуда. На мониторе висела сухая жёлтая бумажка с телефоном техподдержки. Звонить туда Саша перестала через месяц.

По субботам к ним шли все. Те, кто не успевал в будни. Те, кто успевал, но не хотел. Пенсионеры, которые приходили заранее, к восьми сорока, и ждали у дверей, будто у магазина в девяностом году. Молодые родители с колясками и папками. Мужчины в куртках, которые смотрели на табло, как на шахматную доску, и пытались угадать, сколько ждать.

В девять ноль четыре Саша надела бейдж, проверила сканер и нажала кнопку вызова.

- Талон А-001, окно семь, - сказал механический женский голос под потолком.

Первой подошла женщина в мокром плаще. Сложила зонт, положила его на стойку, потом убрала. Потом снова положила.

- Мне паспорт поменять. Мне сорок пять.

- Поздравляю, - сказала Саша. - Фотографию принесли?

- А надо?

- Можно у нас сделать. Вон там, в углу, автомат.

- А он хорошо делает?

- Он делает. Хорошо или нет, зависит от вас.

Женщина посмотрела на неё с подозрением, потом на автомат, потом снова на Сашу. Саша знала этот взгляд: человек проверяет, шутят ли с ним и можно ли уже обидеться.

- Я сама там фотографировалась, - сказала Саша. - В прошлом году. Получилась как на пропуск в тюрьму. Но паспорт же не для красоты.

Женщина вдруг засмеялась.

- У меня в старом вообще лицо как у утопленницы.

- Значит, новое будет лучше.

Женщина пошла к автомату, держа зонт под мышкой. Саша смотрела ей вслед и думала, что сегодня, кажется, нормальный день. Не хороший, не плохой, нормальный. И что надо б

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.